

22

КНИЖНЫЕ НОВОСТИ

1938
КОГИЗ

„Пушкинский временник“ № 4

Решением президиума Академии наук СССР «Пушкинский временник» преобразован в периодический орган Пушкинской комиссии, выходящий два раза в год. Печатающийся очередной выпуск реорганизованного «Пушкинского временника» посвящен историческим произведениям Пушкина.

Первостепенное значение для уяснения исторических воззрений Пушкина имеет «История Пугачева». Печатающаяся во «Временнике» работа молодого литературоведа А. И. Грушкина показывает всю противоположность исторической концепции Пушкина в «Истории Пугачева» и взглядов официальных историков. А. И. Грушкин опровергает характеристику исторических взглядов Пушкина, данную в свое время М. Н. Покровским и другими, считавшими Пушкина «дворянским историком».

Используя официальные источники по пугачевскому движению, Пушкин всюду обращает их против дворянской культуры, против екатерининской монархии, иной раз весьма прозрачно, а чаще (по цензурным условиям того времени) косвенно беря сторону Пугачева и уральского казачества в общей трактовке событий. Лаконично, но

вместе с тем несомненно сочувственно рассказывает Пушкин о донских казаках, появившихся на Яике в XV в., показывает ростки государственности у них, описывает их мирные занятия, мирный уральский пейзаж. Пушкин отнюдь не хотел видеть в яицких казаках, подобно историкам своего времени, сборище разбойников. Агрессивной, нападающей стороной всюду оказываются у Пушкина не казаки, а царское правительство.

Используя материалы своих предшественников, Пушкин опускает тенденциозные описания «ужасов» бунта. Там, где официальные историки видели «остервенение» казаков, Пушкин видел лишь «народное негодование». В Пугачеве Пушкин видел не эффектного злодея, а «простого казака», «бедного колодника», сумевшего подняться до роли вождя народного восстания благодаря своим незаурядным способностям. Пушкин высоко ценит Пугачева-полководца и Пугачева-организатора.

«Первое возмутительное воззвание Пугачева к яицким казакам,— писал Пушкин,— есть удивительный образец народного красноречия, хотя и безграмотного».

Пушкин показывает в сочувственных тонах казацкую демократию, стройность и организованность пугачевского войска. Описание гибели Пугачева проникнуто сочувствием к нему и чувством трагизма происходящего.

В «Истории Пугачева» Пушкин дал широкую картину эпохи, введя сюда и дворцовые интриги, и волнения крепостных рабочих, и лицемерие «комиссии по составлению уложения», и рабское положение угнетенных народностей царской России, в частности «смирных и добрых» калмыков.

К теме об отношениях Пушкина к Пугачеву ближайшее отношение имеет и статья В. Г. Гуляева «К вопросу об источниках «Капитанской дочки». В. Г. Гуляев показывает, что среди исторических источников «Капитанской дочки» исключительное значение принадлежит помещенному в «Невском альманахе» в 1832 г. «Рассказу моей бабушки». Сюжеты «Капитанской дочки» и «Рассказа моей бабушки» во многом аналогичны.

Большой интерес представляет установление принадлежности этого «Рассказа» А. О. Корниловичу, члену Южного общества декабристов, осужденному в 1826 г. на 12 лет каторжных работ и затем в 1832 г. переведенному рядовым в Грузию. Пушкин взял за основу рассказ Корниловича, как наиболее полно и наименее пристрастно из всех существовавших тогда беллетристических произведений отражавший пугачевское восстание.

Остальным литературным источникам «Капитанской дочки» посвящена статья Д. П. Якубовича. Сопоставляя романы В. Скотта с «Капитанской дочкой», Д. П. Якубович показывает, что литературная традиция нужна была Пушкину, чтобы влить в нее новое содержание, дать новые мысли, дать собственные художественные образы, воплотить давно волновавшую его тему крестьянского восстания.

Другая близко интересовавшая Пушкина историческая тема — эпоха Петра — затронута в статьях Н. В. Измайлова, Л. Пумпянского, А. Н. Соколова и др. Исторические источники «Полтавы», которых касается статья Н. В. Измайлова, определены достаточно точно самим поэтом в примечаниях к поэме. Это в первую очередь исторические труды Бантыш-Каменского, Вольтера и «Журнал Петра I».

В трудах Вольтера и Бантыш-Каменского второстепенные факты подавляют общий ход событий и основная канва недостаточно четко проступает в изложении. Пушкин, наоборот, выделяет наиболее общие, наиболее важные стороны событий. Вместе с тем Пушкин по-своему оценивает события и, в частности, полтавскую победу, не соглашаясь с оценкой ее как только тактического успеха, повлекшего окончание украинской кампании.

«Россия вошла в Европу, как спущенный корабль,— при стуке топора и при громе

пушек. Но войны, предпринятые Петром Великим, были благодетельны и плодотворны. Успех народного просвещения был следствием Полтавской битвы, и европейское просвещение причалило к берегам завоеванной Невы»,— писал Пушкин.

Анализируя использование Пушкиным своих источников для «Полтавы», Н. В. Измайлов приходит к выводу, что строгое соблюдение исторической истины, строгое следование документальным источникам — основное требование Пушкина для исторической поэмы.

Статья Н. В. Измайлова смыкается по своим выводам с другой работой — «Полтава» Пушкина и «Петриады» А. Н. Соколова. «Полтава» не была первым опытом исторической поэмы о Петре в русской литературе. Теме о Петре посвящен ряд русских поэм предшествующего периода — Кантемира, Ломоносова, Сладковского, Шихматова, Грузинцева. Многие детали в обрисовке образа Петра в «Полтаве» сближают пушкинскую поэму с эпопеями поэтов классической школы. Однако в то время как классицизм допускал в эпопеях значительные отступления от исторической правды, «Полтава» принципиально исторична. Пушкин отстраивается от реального исторического события и ставит своей задачей его исторически точное воспроизведение.

В статье «К истории неосуществленного замысла Пушкина об «Ермаке» Н. В. Цейтц обращает внимание на замысел Пушкина написать поэму о бесстрашном «покорителе Сибирского царства» Ермаке Тимофеевиче. Н. В. Цейтц показывает, что к своему замыслу Пушкин обращался, повидимому, неоднократно. Пушкин не стремился к шовинистическому прославлению побед русского оружия над народами Сибири, а, знакомясь с песнями и былинами об Ермаке, искал в нем прежде всего народного героя.

Пушкин интересовался не только русской историей, русскими народными движениями и восстаниями. Исследование Н. К. Козмина «Пушкин и английский пролетариат» показывает, с каким вниманием относился Пушкин к рабочему движению на Западе. Особенно усилился после 1833 г. интерес Пушкина к европейскому пролетариату, преимущественно английскому, высказывания о положении которого у Пушкина неоднократно.

Высказывания Пушкина о положении рабочего класса в Англии заслуживают исключительного внимания. Шаг за шагом Н. К. Козмин прослеживает бичевание Пушкиным «холодного варварства» буржуазии, подвергающей «отвратительным истязаниям» рабочих, узаконяющей такие истязания и наживающейся на «страшном обнищании истязуемых», его глубокое сочувствие к страдающему народу, его отвращение к «веку-торгашу», к жажде барышей и стяжанию.

Не меньший интерес представляет собой подготовительная работа Пушкина над исто-

рией французской революции. Заметки и планы Пушкина, относящиеся к этой теме, дают благодарный материал для изучения его исторических воззрений. В своей работе над историей французской революции Пушкин основывался на отборе и изучении самого разнообразного материала, какой был ему доступен (Тьери, Гизо, Барант, Минье, Тьер, Холлам), преимущественно следуя, однако, прогрессивному для того времени «Опыту о нравах» Вольтера. Пушкин сохранял полную самостоятельность, иногда явно полемически расходясь с Вольтером.

Открывается «Пушкинский временник» публикациями вновь найденных произведений Пушкина. Исключительный интерес представляет первоначальная редакция XI главы «Капитанской дочки» (публикация Б. В. Томашевского). Первоначальная редакция этой главы существенна, главным образом, не со стороны стилистической работы,

а со стороны изменения основных сюжетных положений. В первоначальном варианте XI главы Гринев не случайно попадает к Пугачеву, а едет к нему добровольно. Впоследствии Пушкину понадобилось смягчить обстоятельства, при которых Гринев попадает к Пугачеву, и снять с него обвинение в измене и сношениях с «бунтовщиками». Глава подвергалась переработке, однако первый вариант по стройности и логичности развертывания действий не уступает окончательной редакции и представляет значительную самостоятельную ценность.

В. Л. Комаровичу принадлежат публикации первоначальной I главы «Истории Пугачева» и записи устных рассказов о пугачевском восстании (казанская запись и оренбургская запись), частично не вошедшие в «Историю Пугачева» или смягченные по соображениям цензуры.

Д. Лихачев